

Пипписсиссимус XL, император галактики №8 по ул. Вздымателей, с ранней юности был неудачлив в любовных делах.

Казалось бы, как так? Ведь он был императором целой галактики!

Видите ли, он был убежден, что на нем никто никогда не захочет жениться по-честному, видя в нем гуманоида и мужчину. А не ради титула, не ради казны, ломившейся от урановых монет и драгоценных черных микродыр в девятимерной оправе. Поэтому он все время переодевался сладкоголосым космическим трубадуром.

«Она романтически влюбится, тогда я открою, что на самом деле еще и император, и совсем будет счастливый конец!». Таков был план.

Он не срабатывал.

На проблему указал еще давным-давно один презервизирь (так назывались мудрые, но, увы, одноразовые советники императора): «Как ваше фалличество замышляет переодеться сладкоголосым?»

— Парадокс! Измена! Отправить его к длиннозаврам! — вскричал тогда в бешенстве Пипписсиссимус, и вопрос больше не поднимался.

Но однажды он изменил стратегию. Способствовали этому порнофильмы, с недавних пор шедшие контрабандой из далекой галактики №34.

— Я не в то переодеваюсь! — вскричал он. — Романтика — это несовременно. Сейчас женщины покоряют представители новейших профессий, которых вызывают на дом что-нибудь починить, но оборачивается это сексом. А потом я открою, что на самом деле еще и император! И совсем будет счастливый конец. Немедленно переоденьте меня сантехником!

Одноразовые советники молчали с самым мудрым видом, и все же не выдержал один (носивший красивое и загадочное имя Релейнодуэль, отчего все было еще трагичнее):

— Не переодеться ли вашему фалличеству вместо сантехника, скажем, электриком или чистильщиком бассейнов? Схожие ремесла, однако их производственные риски не столь...

— Негативизм! Измена! Отправить его к длиннозаврам! — вскричал в привычном бешенстве Пипписсиссимус, после чего был спешно переодет сантехником и в таком виде просидел на троне два дня (конкуренция была велика; презервизири объявили, что император в медитации, общается с высшими буерархами вселенной, а потому его никому нельзя беспокоить). Наконец он отправился по вызову в соседнюю звездную систему, к некой госпоже Дофигачото Витиэвато.

Та оказалась на вид лет 25—35, внешности хотя и неброской, но с тайной страстью в глазах, которую своеобразно подчеркивали очки с сильными линзами.

— Ах, как вы вовремя. У меня засорился стояк, — сказала она.

— Стояк? Бля, да ща мигом, — вскричал Пипписсиссимус, стараясь говорить как настоящий сантехник и при этом изящно играя смыслами.

По пути к санузлу он случайно взглянул на ее рабочий стол, где на мониторе было такое:

«... могучих зеленых икр; жесткий ворс, попадая в ноздри, был не таким их суровым хозяином, как миазм женского желания, которое я когда-то столь беспечно пробудила.

Бурый, мокрый, набухший, Он наконец пересилил ее снисхождение ко мне, Он требовал. Вспомнилось, как бабушка мазала мне маслом губы, потрескавшиеся на морозе, и

приговаривала: «как ты только детей будешь вскармливать, невеста уже, а такая бескожая... «Простите меня и не вспоминайте! Мои соски навсегда уже горьки от всего того пота с оркской груди, что на них высыхал. Милосердный мизинец сделал меня женщиной; безымянный пытался даже доставить удовольствие; средний с указательным она почесывала о бархат моей матки и умиленно фыркала, замечая, что делает мне небольшое подвижное брюшко, пока я познавала, наверное, родовые муки. Совсем ее умиляла моя тоненькая струйка и то, как я ужасно стеснялась ходить на лоток под ее любопытным взглядом. Она понимала мой стыд по-своему: «Влюбилась, что ли? Уже можно оприходовать?» В конце концов не выдержала, отперла клетку: «беги, или нынче вечером будешь Его задабривать». Я подошла, приподнялась на цыпочках и поцеловалась со своим смешным отражением в теплом металле ее трусов, а затем крикнула вверх: «не только Его, моя владычица и защитница, но каждую там складочку!...», хотя трепетала от ужаса при этой мысли. Оркским небойзовым девкам мешают клычки, они ими упираются и ищут клитор, едва раскрывая губы, напоминая кормящихся щенят. Удивительно ли, что ей наснули их ритмичные мокрые подбородки. Я могла, а потому обязана была подарить ей всю сладость человеческих уст, и даже если она заставит меня с головой...»

Дальше мигал курсор.

— Ёперный 4D-театр, что за мрачные фантазии! — вскричал Пипписиссимус, едва начал читать.

— Это... не обращайте внимания, не мое, какие-то вирусы. Надо будет еще компьютерщика позвать, — сказала Дофигачото Витиэвато, виновато сверкнула очками и воровато переключила окно на компьютере. Появилось что-то менее интересное под названием: «Модуляция вторичных гармоник ударной волны как супрасегментный феномен в языках рас со сверхзвуковым дыхательным аппаратом».

Пипписиссимус в предыдущем окне успел пробежать глазами только первую пару фраз, заметил, что там есть «Он» и «женское желание», а значит, счастливый конец близок... Бросилось в глаза, правда, еще что-то про орков (они набегали через улицу, из галактики №7, сладу не было), но это мы исправим. У него не меньше, чем у орка. То есть чуть меньше, конечно, но в случае чего он может и напомнить, как высказал однажды экономический тезис «миллион или миллиард — невелика разница» и сразу четверых отправил к длиннозаврам за возражения.

И того Релейнодуэля правильно сделал, что отправил к длиннозаврам. Не было в санузле никаких производственных рисков; у всех на этой планете стояли реверсивно-гомеопатические предочистители, превращавшие весь слив в чистую воду со слабым запахом апельсинов, только слишком бурную и с непредсказуемыми медицинскими эффектами. Он отметил, что надо будет, вернувшись, кого-нибудь одлиннозаврить за то, что все это установили, не спросив его благоволения.

В этом санузле, правда, пахло не апельсинами, а рыбой, и довольно сильно.

Он стал прокачивать. Стояк был изнутри просторнее, чем казался снаружи, и понадобилось кроме вантуза тайно задействовать императорскую надувалку мыльно-пространственных пузырей, с которой он не расставался с детства. Наконец из унитаза и ванны вылезли две русалки, перемазанные в чем-то вроде рыбьего жира, зато весьма грудастые. Становилось совсем интересно.

— Фу-у, скользкие какие, — восхищенно сказала Дофигачото Витиэвато из-за его спины. —

Обожаю всякие гадости.

— Вот, засор устранин, делов-то! — вскричал Пипписиссимус и хотел было добавить, что у него есть одна немаленькая гадость, которая могла бы ее заинтересовать, как тут русалка из ванны сказала:

— Устранин, ага, размечтался.

— Что-то ты, братец, So9, а не сантехник, — добавила туалетная. (So9 было межгалактическим кодом деръма.)

Выяснилось, что русалок зовут Мария и Луиндзя, они сестры, а стояк засорил дракон. О драконах недавно сообщали из галактики №5/14, что на углу улиц Вздымателей и Красносмешенской; Пипписиссимус понял, что дело плохо, тут надо вызывать уже рыцарей и водоканал, да и по всей галактике против драконов что-нибудь наимператорствовать. Например, запретить их хранение и оборот.

— Мы, собственно, пытались его угнать, — сказала Луиндзя, — но он взбесился от зуда и застрял в канализации. И как раз в этом стояке самый кончик его хвоста, на котором мы с Марией едва удержались.

— Угнать дракона? Вы в своем уме? — вскричал Пипписиссимус.

Обе русалки широко улыбнулись, показывая по целой гребенке тонких острых зубов.

— Мы при своем нейротоксике, — сказала Мария. — Куснешь — и будет делать все, что ты заставишь.

— А слизь, которую мы выделяем кожей выше пояса — нейромедиатор, — похвасталась Луидзя. — Потрешься — и можно прямо руками управлять. Конечно, с драконом труднее, он весь чешуйчатый, но в этом-то и интерес.

— Почти весь, — сказала Мария. — В следующий раз полезешь в клоаку — я тебя там оставлю.

— Вот нет у Марии других удовольствий, кроме как меня унижать! — пожаловалась Луиндзя.

— Меня, можно меня, — с жаром вызвалась Дофигачото Витиэвато. — Докторская еще подождет. Что может быть важнее, чем дрожать у ног властной женщины, с которой стекают всякие гадости! У тебя, конечно нет ног, то есть нет и моих самых обожаемых гадких мест; но я могла бы, например, сделать тебя первой в мире русалкой со страпоном. Ты будешь скрести мне бедра холодной чешуей, а я — обвивать ногами твой хвост и вжимать в себя еще отчаяннее.

— Обсудим позже, мы очень голодны, — сказала Мария. — Говоришь, докторская?

— Я про диссертацию, извините. Из еды есть космические пельмени.

— Мы что, похожи на космонавток? — вскинулась Луиндзя. — Можно я ее укушу и заставлю готовить?

— Нельзя, — сказала Мария. — Тебе восемнадцать. С твоими гормонами ты ей сердце остановишь. А вот дракона, как водится, не потянула.

— Бе-бе-бе. Ну и пошли тогда отсюда. Нам вообще нравятся не бабы, а принцы. Правда ведь?

— Говори за себя, здесь кормят. Хотя бы и пельменями.

— И поят пуэром, и укладывают отдохнуть после угона драконов, — сладко добавила Витиэвато. — Вы не думайте, именно отдохнуть. Я даже знаю на нескольких языках совершенно приличные колыбельные.

Пуэр и пельмени. Нда. Чего доброго, у нее и коты были, но покончили с собой.

Пипписиссимус понимал, конечно, что все это у нее от отсутствия нормального мужика, уж он-то бы исправил — но стоит ли оно того? А с русалками, как назло, некуда

взаимодействовать. Эти зубы какие-то несексуальные.

— Ну я пошел тогда! — вскричал он. — Дракона устранит коммунальные службы. Извините за спорную эффективность. Бля.

(А то он что-то совсем уже не выражался как сантехник.)

Витиэвато была, однако, полна благодарности и оставила целых пятьсот космических рублей чаевых.

— Зачем мне пятьсот космических рублей?... У меня есть казна, переполненная урановыми монетами! — вскричал Пиппизиссимус после того, как быстрым злым шагом вернулся к своему каретоплану. — Зря тащился в соседнюю звездную... Ненавижу заучек, сам такой был, специально себе память стирал и третью мозга ампутировал, так нет — до сих пор еще пробивается... «Спорную эффективность»... А эти тоже, принца им подавай... Бля! — (Вот когда уже не надо, само получается.) — Я же сам был принц, а теперь император, что еще козырнее! Что же я так ушел-то? Восемнадцать лет! Можно ведь в сиськи, если уж больше некуда. Наливные такие, и сами смазку вырабатывают. Э-э, не уходите там никуда, дайте переодеться! Будет в меру счастливый конец!

Можно подумать, будто ампутированная третья мозга всецело объясняет, почему император забыл, что он бывший принц. Это не совсем так. Просто он с детства привык считать, что «принц» — это исключительно его старший брат Эрвисфанс. А сам он, Пиппизиссимус — так, непонятно что с вечно заложенным носом. Аллергия на пыль, и все равно из библиотеки ни ногой.

В библиотеке он и вычитал про давным-давно забытую, проклятую, стертую из атласов планету с длиннозаврами.

Вслед за чем перехватил донесение с того этажа галактики и аккуратно в него вписал, будто на открытой заново планете какие-то забытые там в древности дикиари хотят пронести длиннозаврам в жертву весь экспедиционный корпус, а заодно сто голых девственниц.

Вслед за чем наблюдал, как старший брат со своими улыбочками на камеру — вроде этакого мускулистого лиса — отправляется лично возглавить спасательно-карательный отряд.

Вслед за чем самые преданные Эрвисфансу военные ринулись на поиски, после чего средне-преданные — ринулись на поиски этих преданных, и так — пока не остались только те, кто призывал забыть улыбочки и мускулы, пока на длиннозавров не перевелась вся галактическая армия.

А тут еще и инцидент с галактикой №9 («ой, а нам сказали, вы из девятого измерения, где только летающие мертвецы; вот мы и думали — отчего бы не пострелять? »). Пиппизиссимус отчего-то предпочелстереть из своей памяти, он это подстроил или не он.

Отец с горя помер, и вскоре уже сам Пиппизиссимус отправлял к длиннозаврам тех, кто как будто о чем-то догадывался.

Разве он плохой? Разве не важнее ему найти настоящую любовь? А трон — это только так, для справедливости . Эрвисфансу-то трон вообще был ни к чему. Эрвисфанс мог быть шофером S09-воза, и все равно вокруг бы роилось больше девиц, чем мух.

Пиппизиссимус облачился в императорское и поспешил назад. На улице к нему подошел прохожий и тихо сказал: «Ты с ума сошел в этого 12D переодеваться? К длиннозаврам захотел?» (12D было межгалактическим кодом старого козла.) «Ничего он не старый», — вскричал Пиппизиссимус и поспешил прочь.

Перед входом он решил сперва заглянуть в замочную скважину. Замок был с секретом, и

если просто приставить глаз, было видно только летающих мертвецов из девятого измерения. Однако при императоре была его верная надувалка.

Мария валялась на разложенном диване и курила, не удосужившись даже отстегнуть страпон. Дофигачото Витиэвато лежала слева, чуть более приметная на вид, чем раньше — оттого, что голая и вся в сверкающей русалочьей слизи, вдобавок без очков (которые ей аж вот как, оказывается, не шли) и довольная-предовольная. А Луиндзя, забравшись на нее как-то не вдоль и не поперек, пугающе длинным языком вылизывала ей шею.

— Ну дай куснуть, а, пожалуйста. Подумаешь, сердце остановится. Я же могу делать вот так.

— Она принялась шлепать пухлой ладонью левую грудь Витиэвато, двойными шлепками и довольно сильно; у той колени принялись сходить и расходиться, а голова страстно откинулась набок, открывая Луиндзе еще больше шеи. — Дышать будешь сама, я буду только командовать «вдохни-выдохни». Так что одной рукой я смогу что хочу делать. Знаешь, что я хочу делать? Пока тут сестра на тебе раскачивалась, я прочитала твои фантазии про эту орчиху. Чуть не стошило, но ход твоих мыслей мне нравится. — Она положила ладонь чуть пониже пупка Витиэвато, на ту часть, где у самой была уже чешуя. — Ма-а-аточка, прямо чувствую ее, теплая такая. Люблю нейрохваткой играться с органами, которых у меня нет. Но гормоны, блин, правда беда, у принцев эти палочки вечно ломаются. А тут мягонько, просторно, должно выдержать. Мне любопытно, насколько она сжимается. И наоборот, можно ли приподнадуть и вход судорогой сжать, чтоб ты немного с животиком от меня походила. Потом само отпустит. Что, шея-то зудит? Вот кусну — сразу перестанет.

— А я и так довольна, — сказала Витиэвато. — У тебя же какая-то гадость на языке, а я обожаю всякие гадости.

— Ну как знаешь, вредина. Говорю тебе, это в тыщу раз интереснее вашего тыканья в дырочки. По крайней мере если ты правда почему-то любишь быть мягкой тряпочкой, об которую всякие потные бабы вытираются.

— Луиндзя! — прикрикнула Мария.

— Все нормально, — сказала Витиэвато. — У нее здоровый молодой взгляд на эти вещи. Разреши ей. Только сначала я еще пять минут побоюсь.

«Бля!» — мысленно вскричал Пипписиссимус. Нет, его нисколько не тянуло дальше подглядывать, очень даже наоборот; но после упоминания о «ломающихся палочках» он почувствовал, что должен остаться. Не факт, что русалки будут знать, как вызвать к Витиэвато скорую, если заиграются.

Он продежурил под дверью около двадцати космических минут, время от времени надувая замочную скважину, заглядывая и с отшатываясь с искренним, несантехническим «бля». Под конец, чтобы успокоиться, он даже попробовал в кои-то веки действительно пообщаться с высшими буерархами вселенной. Когда-то, до ампутации трети мозга, у него ведь и это получалось..

Буерархи просили не беспокоить, так как общались с грозными носолапами мультивселенной. Пипписиссимус понимающе хмыкнул. Он всегда подозревал, что у них там, в тонком мире, тоже на самом деле творится какая-нибудь порнография.

Наконец он увидел в скважину что-то более или менее приемлемое. Дофигачото Витиэвато, снова одетая и в очках, а также с обильными пластырями на шее и слегка округлившимся животом, печатала диссертацию, стараясь сильно не стучать клавишами. Пару раз, отбив абзац и слишком энергично откинувшись на стуле, она застывала и схватывалась за низ

живота — а затем, осторожно повернув голову, любовалась уснувшими на диване русалками. Спя, они являли почти идиллическую картину, если бы не страпон на одной, а у другой пятна крови возле подушки. «П- позвала сантехника», — сказала Витиэвато в одну из таких созерцательных пауз, прежде чем снова начать печатать.

И Пипписиссимус четко вспомнил, как в самый безумный и счастливый день своей жизни зашел в свою спальню, бросился прямо в траурном мундире на постель и глухо пробормотал в подушку: «Престол он, идиот, решил унаследовать. Расхлебывай теперь». Бродя бы и отругал сам себя — а на самом деле думал лишь от прекрасности мира, где такое сбывается.

Но теперь-то он не должен был чувствовать ничего светлого, теперь должен был злиться всерьез. И Пипписиссимус не мог понять, почему, ничего не расхлебав, не доведя до счастливого конца, да вдобавок проторчав совсем уже лишних двадцать минут под дверью, он ощущал на душе такое спокойствие. Так совершенно ни о чем не жалел.

Нет, правда: спокойствие какое-то совсем новое. Он стал очень переживать: вдруг и на него как-то дистанционно подействовали русалки, и теперь, скажем, у него от спокойствия сломается член? Когда он добрался до каретоплана, на душе было уже настолько спокойно, что еще немного — и его хватил бы космический инфаркт.

Никакого противоречия тут, разумеется, нет: одно дело — на душе, и совсем другое — в душе. Спокойствие валялось сверху, будто на непрочной крыше, из-под которой в панике выносили мебель и младенцев. Чтобы себя тут понять, собственных двух третей мозга было явно недостаточно.

Он сел в каретоплан, закрыл глаза и вновь потревожил буерархов. На этот раз соединили. «Вы это видите? Что это вообще? Почему так спокойно на душе?!» — духовно вскричал он.

— Нормальный симптом. Вы потеряли двадцать минут, чтобы в случае необходимости вызвать скорую. Это первый раз за ваше царствование, когда вы оказались неравнодушны к благу кого-то из своих подданных. Поздравляем, ваш прогнозируемый круг ада теперь 605-й вместо 611-го, — скороговоркой ответили ему и положили духовную трубку.

605-й? Ну вот, а только что было так спокойно. Как заманчиво-близко круглая цифра! Можно ли еще сегодня вырваться в пятисотые круги?

Пипписиссимус стал думать, к кому бы еще ему проявить неравнодушие. Быть может, у какого-нибудь подданного мечта всей жизни — отправиться к длиннозаврам, а император игнорирует? Надо бы навести справки.

Он еще не знал, что на планете с длиннозаврами бывший советник Релейнодуэль не только выжил, но и открыл простой способ быть счастливее императора. (Насколько способ, требующий женского соучастия, может быть простым.).

Об этом, однако, мы поведаем в следующий раз.